
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

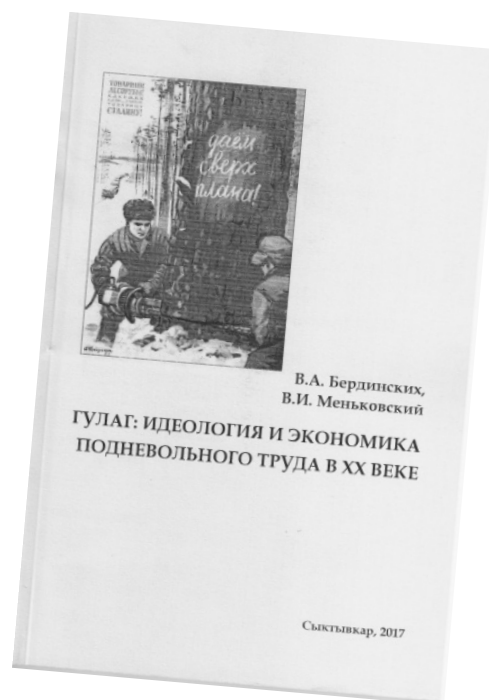
REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Бердинских В. А., Меньковский В. И. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар : Ин-т яз., лит. и истории Коми науч. центра УрО РАН, 2017. 132 с.

Berdinskikh V. A., Menkouski V. I. GULAG: ideology and economy of forced labour in the XX century. Syktyvkar : Inst. of Lang., Lit. and Hist., Komi Sci. Cent., Ural Branch, RAS, 2017. 132 p.

В середине 1920-х гг. партийное руководство СССР поставило цель создать самый современный в мире, самый мощный военно-промышленный комплекс (ВПК). Именно программа ускоренного формирования ВПК получила наименование «индустриализация». Ее приоритетными задачами стали развитие современной военной индустрии и неразрывно связанное с этим расширение добычи природных ресурсов для советской тяжелой промышленности и их экспорта с целью привлечь в страну средства, необходимые для того, чтобы рассчитывать с зарубежными торговыми партнерами за приобретение передовых производственных технологий, а также сделать Европу зависимой от советского сырья; создание единой общегосударственной энергетической инфраструктуры для обеспечения электроэнергией расширяющегося военно-промышленного производства; развитие единой транспортной структуры для достижения связности в цепочках производственных процессов и переброски грузов, а также живой силы к намечаемым театрам военных действий.

Требование быстрого рывка в индустриальную эпоху на фоне хронического технологического отставания страны от западных государств, давно и успешно этот рывок осуществивших, вынуждало советское руководство избрать путь, давший Стране Советов разовый эффект, но на долгие годы погрузивший ее в трясину «догоняющей экономики». Вместо того, чтобы терять время и силы на

самостоятельное изобретение конструкций и материалов для военной техники – танкеток, танков, тягачей, самолетов, орудий и т. д. – и соответствующих конвейерных технологий их производства, советское государство пошло более быстрым и эффективным путем покупки за рубежом передовых знаний, опыта, производственного оборудования, проектов, консультаций, технических решений, готовых агрегатов и образцов изделий.

Руководство страны громко вещало о повышении благосостояния советского народа, а на практике в рамках программы индустриализации в планы первой пятилетки закладывалось повышение норм потребления всего лишь по шести позициям: сахар, мыло, обувь, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, галоши. Потребление сахара планировалось поднять с 7,7 кг в 1927/28 хозяйственном году до 11,9 кг по отправному и 13,9 кг по оптимальному варианту в 1932/33; потребление

мыла – с 0,94 до 2,36 и 2,60 кг соответственно; обуви – с 0,4 до 0,65 и 0,74 пары соответственно; хлопчатобумажных тканей – с 15,2 до 20,3 и 21,3 м соответственно; шерстяных тканей – с 0,48 до 0,84 и 1,17 м соответственно; галош – с 0,22 до 0,31 и 0,39 пары соответственно.

Только шесть позиций «народного потребления»! Никаких иных «товаров для населения» первый пятилетний план развития народного хозяйства не предполагал. В то время как в программу индустриализации было заложено многое другое: технический прогресс представлялся в виде непрерывно сходящих с конвейера верениц танков, самолетов, пушек, пулеметов и т. п.

Программа индустриализации воплощала планы руководства СССР по выпуску силами ассимилированного военно-гражданского производства широчайшего спектра военных изделий. Промышленность изготавливала на основе закупленных за рубежом технологий «Интернационал» и «Катерпиллер» бронированные тракторы, производило танкетки на ленинградском и нижегородском автомобильных заводах, используя для этого автомобильные базы, двигатель, узлы и агрегаты грузового автомобиля «Форд-АА»; на паровозостроительном заводе в Харьковске воспроизводился закупленный танк «Кристи» (советская маркировка – БТ); на Ленинградском государственном заводе № 174 имени Ворошилова собирались танки «Виккерс» (Т-26); на Харьковском тракторном заводе – средние танки; на заводах «Экскаватор» (на Урале) и «Большевик» (в Ленинграде) – тяжелые танки; на ярославском и московском автомобильных заводах – танки прикрытия; на Сталинградском тракторном заводе – малые танки; на челябинском тракторном, харьковском паровозостроительном и ижорском заводах – корпуса; на предприятиях «Авиапрома» – двигатели; на Выксунском заводе дробильно-размольного оборудования – бронетранспортер БА-20 и т. д. При этом в ходе адаптации постоянно заменялись закупленные за рубежом детали на узлы и агрегаты собственного изготовления, видоизменялись их конструкции с целью привести к советскому уровню качества, местным условиям труда и будущего использования, а также разработать на основе исходных, зарубежных, собственные модели.

Огромные средства, необходимые для этого, извлекались не только из продажи зерна за границу (даже в неурожайные годы, несмотря на массовую гибель советских людей от голода), но и из экономики денег и материалов на тех гигантских объемах и спектре работ, которые осуществлялись в ГУЛАГе посредством подневольного труда.

Один из главных вопросов советской историографии заключается не в том, чтобы определить количество лиц, подвергшихся репрессиям и обреченных на уничтожение в результате нещадной

эксплуатации в системе гулаговского принудительного труда, а в выявлении подлинной, детализированной картины устройства военно-производственной, хозяйственно-экономической системы сталинизма, в которой репрессии и рабский труд являлись неотъемлемой частью.

В советской системе существовало всего лишь три государственных «хозяйствующих субъекта», ответственных за освоение территорий, строительство промышленных, транспортных, энергетических объектов, поддержание функционирования индустриальных моногородов. Их деятельность планировалась и организовывалась на государственном уровне в рамках общегосударственной промышленной политики, финансировалась государством, регулировалась через распределение лимитов стройматериалов и трудовых ресурсов. В распоряжение этих трех субъектов советское государство фактически передало отдельные сферы производственной (хозяйственно-экономической) деятельности, связанные с реализацией планов индустриализации, а также значительную часть территории страны (вместе с существовавшим здесь или перемещаемым сюда населением), на которой эти планы должны были воплощаться. Этими субъектами являлись Всесоюзный Совет Народного Хозяйства (ВСНХ), НКВД, ГУЛАГ.

ВСНХ – управляющий суперорган, объединяющий все промышленные наркоматы. В его компетенцию входило формирование военно-промышленного производства (все промышленные новостройки) посредством персональной (личной) ответственности «красных директоров» и профильных наркомов. На законодательном уровне ВСНХ было передано строительство жилья и объектов социального, культурного, медицинского и прочих видов обслуживания на промышленно осваиваемых территориях. В любом строящемся советском моногороде основная часть жилищного фонда находилась в руках руководства ведомственного градообразующего предприятия. Например, в Магнитогорске в 1930-х гг. Магнитогорский металлургический комбинат владел 63,5 % жилой площади, а еще 18 % обладали другие заводы, что в сумме составляло 81,5 % жилищного фонда.

Главное управление коммунального хозяйства, подчиненное НКВД, ведало развитием существовавших городов: ремонтом жилых помещений, возведением новых домов, городским транспортом, инженерной инфраструктурой, городскими электростанциями, очистными сооружениями, скотобойнями, спортивными сооружениями – словом, всем, что именовалось коммунальным хозяйством.

Согласно постановлению СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных», принятому 11 июля 1929 г., содержание всех осужденных на срок 3 года и более передавалось в ОГПУ. В 1930 г. Госплан издал инструкцию, в которой говорилось

о необходимости полного включения в плановую экономику труда лиц, лишенных свободы. С апреля 1930 г. для планового использования труда заключенных были сформированы сеть исправительно-трудовых лагерей ОГПУ и специальное Управление исправительно-трудовых лагерей (УЛag), а 1 октября 1930 г. УЛag ОГПУ был преобразован в Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ – ГУЛАГ.

В сталинской системе «народного» хозяйства именно ГУЛАГ обеспечивал основные объемы работ по обустройству территорий ресурсного освоения силами «мобильных трудовых армий принудительного труда»: осуществлял добычу полезных ископаемых, необходимых ВПК и промышленному производству в целом, вел строительство коммуникаций, объектов энергетики и всех видов жилищного хозяйства и культурно-бытового обслуживания на осваиваемых им территориях. В последующие годы «рабочий фонд» ГУЛАГа, постоянно увеличиваясь, расширил участие подневольного труда в решении производственных задач, обеспечивая основу для функционирования ключевых отраслей хозяйства.

Если мы сопоставим карту промышленных строек первой пятилетки с отмеченными местами расположения значимых новостроек советской программы индустриализации и сравним ее с местами размещения лагерей, колоний, лагпунктов ГУЛАГа, то увидим, что они практически совпадают. И это территориальное совпадение объектов ГУЛАГа и промышленных новостроек, возводившихся ВСНХ в рамках программы индустриализации, способно кардинально изменить наши представления о «добровольном и радостном созидательном труде советского народа, возводившего светлое будущее страны победившего социализма».

Монография В. А. Бердинских и В. И. Меньковского «ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке» систематизирует информацию об этом важнейшем субъекте советской хозяйственной системы, который с началом развертывания программы индустриализации все в большей степени становился основой развития советской экономики.

Формат «минимонаграфии», как определили жанр своей работы авторы, абсолютно подходит для исследования, которое покоится на монбланах предшествующих научных трудов – противоречащих друг другу, построенных на различных исследовательских методиках, исходящих из разноаспектных предметных парадигм. Этот формат абсолютно соответствует духу времени, давно ожидающему внятного и сжатого обобщения накопленных знаний.

Исследование состоит из краткого введения, «О рабском труде заключенных», заключения «... Плюс гулагизация всей страны» и двух основных

разделов. Первый – «ГУЛАГ как объект исследования классической англоязычной историографии» – демонстрирует эволюцию методологических подходов в аналитической работе англоязычных исследователей, дававших крайне неоднозначные, подчас кардинально различные оценки и делавших порой противоположные выводы. Второй, основной, раздел – «Лагеря и советская экономика 1930-х годов» – разбит на пять тематических блоков: «Особенности эксплуатации заключенных и основные отрасли советской промышленности», «Проблемы стимулирования труда заключенных», «К вопросу о “целесообразности и эффективности” подневольного труда», «Подневольный труд как наркотик для советской промышленности», «Негативные последствия подневольного труда и кризис лагерной системы в СССР».

Во втором разделе авторы сжато и кратко очерчивают место ГУЛАГа в системе советского «народного хозяйства», характеризуют его взаимоотношения с ведомствами, входящими в систему ВСНХ, оценивают причины низкой механизации ручного подневольного труда, раскрывают его ключевую роль в добыче стратегических ресурсов и освоении территорий.

Некоторые положения монографии В. А. Бердинских и В. И. Меньковского, являющиеся последовательным обобщением материалов иных научных трудов, все же представляются спорными. В частности, «лагерно-хозяйственная деятельность НКВД обретает планомерный, крупномасштабный и четко выраженный военно-промышленный характер» (с. 36) не с конца 1930-х гг., о чем пишут авторы, а с момента создания ГУЛАГа в 1929 г. Собственно, для обеспечения программы формирования ВПК и был вначале образован УЛag ОГПУ, затем реорганизованный в ГУИТЛag ОГПУ и переросший в ГУЛАГ. Он не сразу превратился в «огромный комбинат, который строил, добывал, производил, выращивал, конструировал и т. д.», но очень быстро стал именно таковым. Производственная деятельность ГУЛАГа имела военно-мобилизационное значение не только в конце 1930-х – начале 1940-х гг. (с. 38), но и ранее, не всегда напрямую, часто косвенно, но всегда неизменно. Именно поэтому наряду с промышленным производством важнейший элемент лагерной системы – капитальное строительство (с. 37). В 1940 г. на долю НКВД приходились 11 % всех капитальных вложений СССР.

Масштаб и объемы присутствия принудительного труда в структуре советской экономики, приводимые авторами, потрясают: «На 1 января 1949 г. в системе МВД насчитывалось 67 самостоятельных ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей – И. М.) с почти 30 000 лаготделений и лагпунктов и 1734 колонии. Общее количество заключенных достигло 2 356 685, из них трудоспособных –

1 963 679 (83,3 %). Более половины (55,8 %) составляли молодые люди в возрасте от 17 до 30 лет, почти четверть (22,1 %) – женщины» (с. 39).

При этом сотни лагерей и колоний не просто «органически вписывались в систему директивного советского “народного хозяйства”, основанного на административно-командном планировании, внеэкономических методах принуждения к труду и уравнительном распределении общественного продукта» (с. 32), а составляли основание системы советского тоталитаризма, начавшей формироваться еще в 1920-х гг., в период военного коммунизма, в форме трудармий – детища Л. Б. Троцкого. С первых же дней своего существования советская власть поставила вопрос об использовании труда подчиненных контингентов населения, в тот период солдат Красной армии. Это решение в понимании власти являлось экономически целесообразным и, безусловно, моральным. Если уж «внеэкономическое принуждение к труду во всех его формах» предполагалось по замыслу основоположника марксизма-ленинизма В. И. Ленина и теоретика партии Н. И. Бухарина применять к свободным гражданам, то что говорить о мобилизованных на армейскую службу в условиях отсутствия военных действий. Чуть более чем через два года после прихода к власти большевиков, 17–18 января 1920 г., Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о необходимости создания нескольких трудовых армий – в Советской России возникла довольно своеобразная разновидность производственно-бытовых коллективов – «армейско-производственные» соединения. Были сформированы Первая революционная армия труда, Украинская советская трудовая армия, созданная из войск Юго-Западного фронта, Кавказская трудовая армия (бывшая 8-я армия Кавказского фронта), Вторая особая железнодорожная трудовая армия (бывшая 2-я армия Кавказского фронта), Петроградская революционная трудовая армия (бывшая 7-я армия Западного фронта), Вторая революционная армия труда (бывшая 4-я армия Туркестанского фронта). В декабре 1920 г. образована Донецкая трудовая армия, а в январе 1921 г. – Сибирская трудовая армия.

Эти формирования создавались с целью приспособить армейские подразделения к трудовым задачам, не разрушая при этом командного аппарата армии, с тем чтобы они в любой момент снова могли быть переведены в боевой режим. Авторы монографии отметили необходимость работы значительного числа командиров, комиссаров и рядовых коммунистов «в деле целесообразного проведения трудовой повинности на местах. На военных работников, привыкших руководить массами в самых трудных условиях, возлагалась значительная часть работы по организации и трудовому применению мобилизованных девятнадцатилетних» (с. 43). В результате формирования трудовых армий толь-

ко в первой половине 1920 г. на работах по восстановлению народного хозяйства СССР участвовало 2,5 млн красноармейцев. Позднее такое же количество принудительной рабочей силы ежегодно требовалось в ГУЛАГе, чтобы выполнять поставленные производственные задачи, компенсируя текущую убыль трудовых ресурсов в результате смертности: «среднегодовое пополнение» лагерей и колоний колебалось в пределах 0,8–1,5 млн человек (с. 43).

Использование в 1920-х гг. составленных из военнотрудовых армий труда для производства гражданских работ в конечном счете все же оказалось не слишком продуктивным. Но партийно-государственное руководство не позабыло об опыте принудительной организации труда – с началом подготовки сталинской индустриализации идея принудительного формирования трудовых контингентов, связанных полуармейской дисциплиной и трудовомобилизационными обязательствами, при условии их насильственного удержания на определенной территории, обрела второе дыхание.

Нельзя не согласиться с авторами в том, что производственная сфера НКВД и МВД, основанная преимущественно на тяжелом физическом труде, действительно отторгала технический прогресс (с. 53): «Кирка, тачка, лопата и другие примитивные орудия труда представлялись высшему советскому руководству максимально эффективными» (с. 35). Однако нужно отдавать отчет в том, что технический прогресс в системе принудительного труда был власти абсолютно не нужен. Советское руководство не стремилось с помощью примитивных средств труда «догнать и обогнать» передовые страны мира по уровню промышленного производства, оно довольствовалось киркой, тачкой и лопатой потому, что они давали гигантскую экономию средств в тех видах работ, которые из-за своей многотрудности требовали повышенных расходов на зарплату, специальное оборудование, относительно комфортное размещение вольнонаемных работников.

Авторы справедливо отмечают, что широкое применение подневольного труда тормозило развитие производительных сил, отрицательно сказывалось на внедрении достижений технического прогресса, применении новых технологий и т. п. (с. 31). Но ставило ли советское правительство в эти годы задачу повсеместного развития в хозяйстве новых технологий, повышения производительности труда за счет механизации трудоемких процессов (в том числе в земледелии)? Или это его абсолютно не интересовало, потому что по итогам намечавшейся войны центры агропромышленного производства в новых границах советской империи со значительно большей эффективностью могли бы разместиться в плодородных районах юга Франции и севера Италии, а высокотехнологичное индустриальное производство – в традиционно промышленно развитых центрах Германии?

При этом богатые полезными ископаемыми Урал, Сибирь, северные территории СССР в новой конфигурации советского «народного» хозяйства продолжали бы выполнять ту же самую роль, которая уже и так была за ними закреплена – добыча сырья силами контингентов принудительного труда, – и теми же самыми средствами – принудительным подневольным трудом заключенных с киркой, лопатой и тачкой. Ведь, как отмечают авторы, «лагерная система <...> на практике демонстрировала свои очевидные “преимущества”: быстрое сосредоточение в нужном месте значительных контингентов рабочей силы, возможность эксплуатации заключенных в любых условиях, не считаясь с потерями» (с. 32).

Исследователи не оставляют без внимания и феномен «инженерно-изобретательского и научного рабского труда», так называемых шарашек – подразделений системы ГУЛАГ, в которых использовался не физический, а интеллектуальный труд заключенных (с. 40–42). Казалось бы, творчество – это всегда свободный порыв, самовыражение при создании качественно новых культурных, материальных, духовных ценностей, радостное воплощение идеи, не омраченной тяготами бытия: «Любой без вины репрессированный человек, находясь в противоестественных условиях несвободы, униженный и унижаемый, переживший личную и семейную катастрофу, просто физически не может работать, а тем более творить в полную меру своих возможностей» (с. 51). Однако советской власти очень быстро удалось опровергнуть это суждение, причем сделать это практически, доказав, что угроза смерти является значительно более мощным стимулирующим фактором ударного, самоотверженного интеллектуального труда (в том числе научного, опытно-конструкторского, инженерного), чем материальные поощрения.

Кстати, пополнялись эти подразделения «научной рабочей силой» так же планомерно, как и стройки пятилетки – по разнарядке. В работе приводится один из таких исторических примеров: когда власти потребовалось резко продвинуть вперед разви-

тие авиационной отрасли, «ведущие специалисты авиационной промышленности были арестованы <...> и направлены в особые конструкторские бюро НКВД, даже не будучи формально осужденными. И лишь в мае 1940 г. 307 авиаконструкторам и инженерам “задним числом” через Особое совещание при НКВД СССР было “оформлено” лишение свободы на сроки от пяти до десяти лет» (с. 42).

Авторы убедительно пишут о том, что высокие производственные показатели в системе ГУЛАГ основывались не только на уничтожающем людей подневольном изнурительном труде, но и на прямой лжи, приписках, обмане. «Туфта» – термин, обозначавший работу, сделанную лишь для видимости, заведомо ложные показатели в официальном отчете. По легенде, которую упоминают авторы монографии (с. 51), он произошел от аббревиатуры ТФТ – тяжелый физический труд. Однако существует и иная версия, кажущаяся более правдоподобной: «туфта» – труд, учтенный фиктивно.

Работа В. А. Бердинских и В. И. Меньковского очерчивает целостную объемлющую картину гулаговской экономики, губительной для человека и природы. Нельзя не согласиться с ее заключительными словами, которые могут стать эпитафией советскому прошлому и эпиграфом к анализу ситуации в современной России: «Экологические и социально-демографические последствия этой деятельности на региональном уровне болезненно ощущаются уже сегодня и, видимо, приобретут еще большую остроту в будущем. От системы, где не представляет никакой ценности человеческая жизнь, по меньшей мере наивно было ожидать щадящего, рачительного, бережного отношения к природе, органичной частью которой, собственно, и является человек» (с. 59)

М. Г. Меерович,

доктор исторических наук, доктор архитектуры,
член-корреспондент Российской академии архитектуры
и строительных наук, член-корреспондент Международной академии архитектуры (Москва)